

Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Личко, А.Е. Шизофрения у подростков [Электронный ресурс] / А.Е. Личко; www.psy-chiatry.ru.

Лурия, А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 336 с.

Носачев, Г.Н. Семиотика психических заболеваний (общая психопатология) / Г.Н. Носачев, В.С. Баранов. Самара: Самар. гос. мед. ун-т, 1998. 228 с.

Сиротинина, О.Б. Основные критерии хорошей речи / О.Б. Сиротинина // Хорошая речь. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. С. 16 – 28.

Спивак, Д.Л. Измененные состояния сознания: психология и лингвистика / Д.Л. Спивак. СПб.: Ювента, 2000. 296 с.

Шмелева, Т.В. Кодекс речевого поведения / Т.В. Шмелева // Русский язык за рубежом. 1983. № 1. С. 72 – 77.

Е.А. ОГНЕВА
(Белгород)

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВЕРБАЛИЗОВАННЫХ ФОРМ НЕВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В РАМКАХ НОМИНАТИВНОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА-ФРЕЙМА «РУССКИЙ НАРОД»*

Рассматривается такой важный сегмент структуры номинативного поля концепта-фрейма «русский народ», как вербализованные компоненты невербальных источников коммуникации в рамках личностного концепта писателя. Выявляются тенденции соответствия/несоответствия объема номинантов номинативного поля оригинала и текста перевода с целью построения графической компаративной модели исследуемого концепта.

В последнее десятилетие возрос интерес лингвистов к идеям В. фон Гумбольдта о языке «как деятельности народного духа» (Вендина 2002: 7). Такой подход позволяет осмыслить закономерности формирования национальной картины мира,

существенными компонентами которой являются ключевые концепты культуры, восходящие к сфере человеческого духа, оценочного отношения к окружающему миру, области стихийных состояний человека (Арутюнова 1980). Можно считать доказанным, что статус культурного концепта приобретают именно субъективно воспринимаемые объекты как особо ценные и лично значимые (Алефиренко 2006: 143). Под культурными концептами, вслед за Н.Ф. Алефиренко, мы понимаем когнитивно-семантические образования, занимающие промежуточное положение между языковыми знаками и познаваемыми объектами и в силу этого представляющие собой ментальные упаковки нашего сознания, форматирующие этнокультурное видение мира (Там же: 151) и преломляющиеся в языке. Только язык позволяет исследователю увидеть и понять человека «изнутри» (Вендина 2002: 6), т.к. язык является неотъемлемой частью нашей когнитивной способности, в то же время он – часть мира (Paradis 2003). Каждый язык через слово отражает в своей структуре и семантике основные ракурсы и параметры воспринимаемого мира. Поэтому именно слово является основным средством доступа к концептуальному знанию. Посредством слова можно подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки, данным словом непосредственно не названные (существующие в значении как периферийные, скрытые, вероятностные, ассоциативные семы). Слово, по утверждению И.А. Стернина, как и любая другая номинативная единица, – это ключ, «открывающий» для человека концепт как единицу мыслительной деятельности (Стернин 2002: 7 – 8). Слово представляет концепт не полностью – языковой знак своим значением передает несколько основных концептуальных признаков, релевантных для сообщения, передача которых является задачей говорящего, входит в его интенцию. Весь личный концепт во всем богатстве своего содержания принципиально может быть выражен только совокупностью средств языка, каждое из которых раскрывает лишь его часть (Там же: 7), поэтому предпочтительно такое описание языковой формы, которое учитывает ее содержание и ее конкретную «упаковку» (Кубрякова 2004: 16).

* Статья выполнена на средства внутривузовского гранта для приоритетных исследований науки, технологии и техники ВКГ139-06.

Представляется интересным выявить тенденции адаптации концептов «семья» и «общественное сознание», входящих в структуру номинативного поля концепта-фрейма «русский народ» (на материале художественного произведения А.Н. Толстого «Хождение по мукам»), где фрейм – это род сложного концепта, но сложен он не сам по себе, по своей природе, а в силу того, что этому понятию изначально задан вектор «от простого к сложному», т.е. ему по определению задан ход мысли от концепта-элемента к концепту-структуре более высокого порядка (Никитин 2004: 61; см. также: Филлмор 1983; 1988). Сопоставительный анализ структуры номинантов номинативных полей вышеуказанных концептов-элементов, наряду с изученными автором структурами концепта-фрейма «уют» (Огнева 2005: 363 – 368), концепта «экономика» (Огнева 2006: 205 – 213), концепта-элемента «рынок труда» (Там же: 41 – 47), когнитивного сценария «шинель» (вещь + образ жизни русского чиновника XIX в.) (Огнева 2006: 149 – 158), позволяет установить соотношение объема информации, заложенной писателем в художественный текст и интерпретированной переводчиком, а также выявляет тенденции ее адаптации. Известно, что в процессе прямой коммуникации (непосредственного общения) компоненты актуальной для коммуникантов части номинативного поля их личностных концептов реализуются как вербальным, так и невербальным путем, воспринимаясь слушающим интуитивно в процессе считывания сопровождающих сообщение невербальных компонентов, все многообразие которых может быть классифицировано следующим образом: кинесика – совокупность жестов, поз, телодвижений; такесика – рукопожатия, поцелуи, поглаживания, похлопывания и другие прикосновения к телу партнера по коммуникации; проксемика – способы использования пространства в процессе коммуникации; а также сенсорика и хронемика (Садохин 2004: 156). Совокупность языкового кода и невербальных форм коммуникации образует семиотикон культуры (Абиева 2006: 228). Невербальные источники сообщения вербализуются на письме, в частности, в художественном тексте, что в процессе косвенной коммуникации делает сюжет более реалистичным, поэтому наше исследование осуществляется по двум направлениям: во-первых, установ-

ление закономерностей перекодировки структуры вербализованных компонентов кинесики, проксемики и такесики и, во-вторых, выявление тенденций адаптации реплик как компонентов номинативного поля личного концепта, являющегося звеном концепта-фрейма «русский народ». Выбор направления исследования обусловлен тем, что невербальные источники информации имеют социальное происхождение, поэтому межкультурные различия проявляются в них особенно ярко, что значимо при исследовании этих информационных компонентов номинативного поля культурологически маркированных концептов художественных текстов, т.к. в поведении общественного человека традиция перевешивает инновацию, указывая на то, что коллективный опыт может быть только прошлым по отношению к использованию его индивидом (Режабек 2003: 25). Поскольку невербальные источники информации культурно обусловлены, то в разных культурах одни и те же жесты могут иметь совершенно разное значение, что зачастую создает много проблем в межкультурной прямой коммуникации (Садохин 2004: 158), особенно при создании условий для косвенной коммуникации (т.е. в процессе перевода текста). Итак, рассмотрим вербально выраженную в рамках исследуемого художественного текста невербальную информацию номинанта «забота», входящего в структуру номинативного поля концепта-элемента «семья» исследуемого фрейма «русский народ», и выявим степень адаптированности вербализованных компонентов такесики и проксемики, а также элементов повествования (описание действий), что в совокупности является одним из значимых секторов номинативного поля рассматриваемого номинанта «забота» в следующем тексте: *Матрена нежно и сильно обняла Семёна за спину, довела до телеги, где поверх домотканого коврика лежали вышитые подушки, села рядом* (Толстой 1987: 320), что переведено А. Оран на французский язык как *Avec une tendre vagueux Matriona prit Sémion par les épaules, le conduisit jusqu'à la télègue où sur un petit tapis tissé à la maison, on voyait des coussins brodés, s'assit à côté de lui* (Толстой 1962: 113), а на английский язык как *Matryona put her strong loving arm round Semyon's waist and led him to the cart, in which were embroidered cushions laid on a homespun rug, she took her place beside him*

(Tolstoi 1975: 94). Сопоставительный анализ структуры вербализованных в рамках оригинального текста компонентов таке-стики и их переводных вариантов выявил следующее: вербализованная такема «нежно и сильно обняла Семёна за спину» переведена на французский описательно, путем транспозиции форм связи в предложении, что нарушило ее план содержания в переводном тексте, т.к. описание жеста изменилось: *avec une tendre vigoureux Matriona prit Sémion par les épaules* (с нежностью Матрона взяла Семёна за плечи). В английском переводном варианте также прослеживается искажение: *Matryona put her strong loving arm round Semyon's waist* (Матрёна положила ее сильную любящую руку на талию Семёна – сравните с оригиналом: «нежно и сильно обняла Семёна за спину»). Элемент повествования «довела до телеги», являющийся компонентом номинанта «забота» и связующий такему с последующей проксемой, адаптирован симметрично на французский язык, более того, лексема, отражающая название транспорта, является культуремой и транслитерируется при переводе. Под культуремой мы понимаем обособленную группу знаков языковой картины мира, которые несут в себе совокупность признаков культурологического фонда того или иного народа (Воробьев 1997: 44) и отражают взаимодействие реалии (Влахов, Флорин 1986), которая представляет собой обозначаемое, и реалии-слова, обозначающего. В английском тексте находим эквивалент рассматриваемому инварианту: *led him to the cart*. Вербализованная проксема «села рядом» адаптирована в плане содержания симметрично при увеличении объема плана выражения как на французский язык: *s'assit à côté de lui*, так и на английский: *she took her place beside him*.

В рассматриваемом тексте находим так называемые сопутствующие элементы, характеризующие заботу и уют: словосочетание «домотканый коврик», которое перекодировано симметрично в плане содержания как на французский язык: *un petit tapis tissé à la maison* (коврик, тканый дома), так и на английский: *a homespun rug*, и словосочетание «вышитые подушки», которое адаптировано симметрично в плане содержания на французский язык: *des coussins brodés* и английский: *embroidered cushions*. Исследование показало, что номинант «забота» выявлен также в рам-

ках следующего текста, где отображены три такемы: «заботливо вымыла», «попарила», «хлестала веником»: *В сумерках повела его Матрена в баньку, заботливо вымыла, попарила, хлестала веником* (Толстой 1987: 321), что переведено на французский язык как *Au crepuscule Matriona le conduisait à l'étuve; elle le savonna avec sollicitude, lui fouetta le corps avec un petit balai de bouleau* (Tolstoi 1962: 116) и на английский язык: *Towards dusk Matryona took him to the bathhouse, soaped him well, enveloped him in clouds of steam, whipped him all over with a benge of twigs* (Tolstoi 1975: 96). Прежде всего, отметим, что вышеуказанные такемы связаны с культуремой «банька», которая переведена как *l'étuve* (парильня), что искажает картину быта русского народа при переводе на французский язык, тогда как на английский язык культурема адаптирована симметрично: *the bathhouse*. При передаче плана содержания вербализованной такемы «заботливо вымыла» глагол перекодирован с меньшим семантическим объемом: «намылить» – во французском переводном тексте: *elle le savonna avec sollicitude*, в английском: *soaped him well*. Лексема «попарила» не имеет переводного варианта в тексте на французском языке, а на английском языке выявлен описательный эквивалент *enveloped him in clouds of steam* (окутала его облаками пара), содержание которой не соответствует по объему семантике глагола «парить» (в бане). Словосочетание «хлестала веником» адаптировано путем вставки уточняющей лексемы *corps* во французском тексте, в английском переводе оно адаптировано словосочетанием *whipped him all over with a bundle of twigs*. Отметим, что лексема «веник» (банный) передана на исследуемых языках перевода описательно: *un petit balai de bouleau* (небольшой берёзовый веник), переводной вариант словосочетания отражает устойчивый стереотип использования в банях берёзовых веников, что в ряде случаев не соответствует действительности. Английский переводной вариант *a bundle of twigs* (пучок прутьев) также лишь частично адаптирует значение рассматриваемой лексемы к восприятию англоговорящего читателя. Под значением понимаем когнитивные структуры, включенные в модели знания, и мнения, конкретные концептуализации (Langacker 1991; Jackendoff 1997; Taylor 1995; Ungerer, Schmid 1997). Таким образом, по результатам исследования матери-

ала выявлено: структура номинанта «забота», входящего в номинативное поле концепта-элемента «семья», представлена в тексте как вербализованными компонентами такеси (4), проксемики (1), так и элементами повествования (1), соединяющими вербализованные такему и проксемику при описании действий героев, что в совокупности создает единство картины быта русского народа в рамках исследуемого художественного текста. Сопоставительный анализ представленного в оригинале сектора структуры номинативного поля концепта-элемента «семья» и его переводных вариантов показал следующее: планы содержания и выражения четырех вербализованных такем переданы асимметрично как на английском языке, так и на французском; планы содержания проксемики и элемента повествования адаптированы в полном объеме, но их планы выражения преобразованы, что обусловлено требованиями структуры языка перевода.

Рассмотрим примеры адаптации вербализованных кинем и реплик, выступающих в качестве дополнительного элемента структуры номинативного поля. Термин «кинема» был предложен для изучения общения посредством движений тела (жестов, поз, телодвижений). «Кин» – мельчайшая единица движения тела человека, считывая которую, можно интерпретировать передаваемые через жесты и другие движения сообщения. Отметим, вслед за А.П. Садохиным, что поведение человека складывается из «кинем» так же, как человеческая речь – из последовательности слов, предложений, фраз. Кинемы выступают в качестве дополнения или замещения речевых сообщений (Садохин 2004). Итак, исследуем структуру номинативного поля концепта-элемента «общественное сознание», в частности его номинанта «открытое возражение». А.Н. Толстой ярко проиллюстрировал передачу информации посредством жестов, т. к. жест несет информацию не только о психическом состоянии человека, но и об интенсивности его переживаний, поэтому часто передает, вольно или невольно, эмоции людей. Так, в следующем тексте выявлено недоумение и возмущение простых людей: *Зачесались мужики. Кто божиться стал. Кто шапку кинул об землю: «Да нет же у нас хлеба, Боже ж ты мой!»* (Толстой 1987: 330), что переведено на французский язык как *Les paysans étaient sidérés. Un moujik jeta par terre*

son bonnet. – Mais je n'ai pas de blé, seigneur Dieu! (Tolstoi 1962: 129) и на английский как *The peasants scratched their heads. Some declared they had nothing, others flung their caps on the ground. – God knows we have no grain!* (Tolstoi 1975: 106). Структура вербализованной кинемы «почесались мужики» переведена на французский язык как *les paysans étaient sidérés* (крестьяне были ошеломлены), где описание жеста исчезло. Для восприятия русского читателя контекстуальная значимость лексемы «зачесались» ясна (это подтвердили данные эксперимента: участников (студентов вуза) попросили изобразить жест, описанный этой лексемой – все изобразили характерный для русской культуры жест почесывания затылка), тогда как для восприятия англичанина семантика глагола *scratch* не дает такой же картины, поэтому в данном случае необходимо уточнение: *the peasants scratched their heads* (крестьяне почесали затылок). Культурема исходного текста «мужики» путем родовидовой замены адаптирована лексемой *the peasants*, тогда как в следующем предложении, вербализующем кинему «Кто шапку кинул об землю», во французском тексте местоимение «кто» заменено лексемой единственного числа *un moujik*: *Un moujik jeta par terre son bonnet* (один мужик бросил шапку на землю), но в оригинале нет указания на единичность бросания шапки оземь – это не характерно для поведения возмущенной толпы. Несмотря на то, что в тексте и лексема «кто», и лексема «шапка» употреблены в единственном числе, их контекстуальное значение выражает одновременность идентичных действий нескольких людей, что передано в английском тексте: *others flung their caps on the ground*, где подобран вариант *others*, употребленный во множественном числе путем транспозиции грамматических категорий плана выражения единицы перевода. План содержания вербализованной кинемы «кто божиться стал» состоит из двух плоскостей: речь («Боже ж ты мой!») + жест наложения креста. Во французском переводе вышеуказанный номинант отсутствует, а в английском тексте передана только часть информации, а именно компонент «речь»: *Some declared they had nothing* (некоторые провозгласили, что они ничего не имеют). В результате важная культурологическая составляющая быта русского крестьянина при переводе текста утрачена. При адаптации струк-

туры реплики «Да нет же у нас хлеба, Боже ж ты мой!» местоимение множественного числа «у нас» играет роль дополнения, тогда как во французском переводе находим местоимение единственного числа *je*, которое является подлежащим в синтаксической структуре предложения, переводчиком осуществлены актантные трансформации, в частности, взаимозамена главного и второстепенного членов предложения: *Mais je n'ai pas de blé, seigneur Dieu!* (но у меня нет пшеницы, Господи) – единичность возгласа среди толпы не характерна для русского крестьянства. В английском переводном варианте выявлено местоимение множественного числа в роли подлежащего: *God knows we have no grain!* Итак, сопоставительный анализ структуры номинативного поля концепта-элемента «общественное сознание» выявил, что во французском языке осуществлена асимметричная передача вербализованных кинем, более того, одна из кинем оригинала в переводе отсутствует, тогда как в английском варианте выявлена симметрия в двух случаях из трех, что искажает картину быта в меньшей степени (нежелание отдать хлеб, возмущение против начальствующих). Таким образом, в результате исследования двух секторов номинативного поля концепта-фрейма «русский народ», а именно – его вербализованных компонентов невербальных форм коммуникации, было выявлено, во-первых, неравномерное применение писателем таким (3), кинем (3), проксем (1); во-вторых, структура проксемы адаптирована в большей степени, чем другие вербализованные источники невербальной информации, в-третьих, структура номинативного поля исследуемых концептов-элементов более приближена к оригиналу в английском переводном варианте, чем во французском.

Литература

- Абиева, Н.А. Когнитивные механизмы межсемиотического перевода / Н.А. Абиева // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов. 26 – 28 сент. 2006 г. / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006.
- Алефиренко, Н.Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: монография / Н.Ф. Алефиренко. Волгоград: Перемена, 2006.
- Арутюнова, Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н.Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Вендина, Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т.И. Вендина. М.: Индрик, 2002.
- Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. 2-е изд. испр. и доп. М., 1986.
- Воробьев, В.В. Лингвокультурология (Теория и методы): монография / В.В. Воробьев. М.: РУДН, 1997.
- Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1.
- Моисеева, С.А. Художественный текст как объект межкультурной адаптации: монография / С.А. Моисеева, Е.А. Огнева. Белгород: Изд-во БелГУ, 2003.
- Никитин, М.В. Развернутые тезисы о концептах / М.В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2004. Вып. 1.
- Огнева, Е.А. Характеристика объема переводимости концептов художественных текстов (на материале произведения А.Н. Толстого «Петр Первый») / Е.А. Огнева // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизации преподавания иностранных языков: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Тольятти: ТГУ, 2005.
- Огнева, Е.А. Построение компаративной модели концепта «экономика» (по материалам художественной прозы) / Е.А. Огнева // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: материалы Междунар. науч. конф.: в 2 ч. / под ред. О.Н. Прохоровой, С.А. Моисеевой. Белгород: Изд-во БГУ, 2006. Вып. 9, ч. 2.
- Огнева, Е.А. Структурное соответствие/ несоответствие концептов оригинала и перевода / Е.А. Огнева // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр.: в 2 ч. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2006. Вып. 7, ч. 2.
- Огнева, Е.А. Структура номинативного поля концепта: тенденции адаптации при переводе / Е.А. Огнева // Висник Харківського національного ун-ту ім. В.Н. Каразіна. 2006. № 726.
- Режабек, Е.Я. Мифомышление (когнитивный анализ) / Е.Я. Режабек. М., 2003.
- Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика и проблема невербальности мышления / И.А. Стернин // Композиционная семантика: материалы третьей Междунар. шк.-семинара по когнитивной лингвистике. Тамбов, 18 – 20 сент. 2002 г. / отв. ред. Н.Н. Болдырев; ред.: Е.С. Кубрякова, Е.М. Позднякова, В.Б. Гольдберг [и др.]: в 2 ч. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. Ч. II.

Садохин, А.П. Межкультурная коммуникация: учеб. пособие / А.П. Садохин. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004.

Филлмор, Ч. Основные проблемы лексической семантики / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Радуга, 1983. Вып. 12: Прикладная лингвистика.

Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка.

Jackendoff R. Semantics and Cognition. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1997.

Langacker R. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin – N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991.

Paradis C. "Is the notion of linguistic competence relativant in Cognitive Linguistics?" Annual Review of Cognitive Linguistics, 1., 2003.

Taylor J.R. Linguistics Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. – Oxford: Clarendon Press, 1995.

Ungerer F., Schmid H.J. An Intridaction to Cognitive Linguistics. L. And N.Y. Longman, 1997.

Источники примеров

Толстой, А. Хожение по мукам. Восемнадцатый год. Трилогия. Т. II / А. Толстой. М.: Худож. лит., 1987.

Tolstoï A. Le chemin des tourments / A. Tolstoï: Trilogie. L'an dix-huit / Tr. du russe par Alice Orane. M.: Edition en langues étrangères, 1962.

Tolstoi A. Odeal / A. Tolstoi: Trilogie. book 2, 1918. Tr. from the Russian by Ivy and Tatiana Litvenova. M.: Progress Publishers, 1975.

А.В. ТАРАСОВА
(Волгоград)

ПОНЯТИЙНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТА «ДРУГ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Рассматриваются понятийные характеристики концепта «друг» в русской и английской лингвокультурах на этимологическом, базовом и ассоциативном уровнях.

Дружба является универсальной человеческой ценностью, и поэтому различные характеристики дружеских связей отражены в языке. Лингвисты не раз обращались

к рассмотрению этого концепта на материале русского языка (Арапова 2004; Лукашкова 2001; Садчикова 1993). Общим местом является тезис о сравнительной поверхностности понимания дружбы в англоязычной культуре (друг – это тот, с кем приятно проводить время) и глубокой ценности дружбы в русской культуре (друг есть другое «я»). На наш взгляд, это суждение требует уточнения и разъяснения.

При моделировании рассматриваемого концепта мы пользуемся совмещенной матрицей содержания концепта: когнитивно-аксиологическая трехмерная схема концепта, предложенная В.И. Карасиком (2002), накладывается на трехуровневую социодинамическую схему концепта, предложенную Ю.С. Степановым (1997). При таком моделировании понятийный, образный и ценностный компоненты концепта уточняются на этимологическом, базовом и ассоциативном уровнях. Такая матрица изучения концепта использовалась в работе М.А. Филипповой (2007).

Понятийный компонент концепта «друг» в русской лингвокультуре на этимологическом уровне толкуется двояко. В первой версии исходное значение этого слова – «спутник, товарищ в военном походе» (лит. draugas – спутник, гот. driugan – воевать). Вторая версия исходит из того, что слово с этой же основой *dhreu-/*dru- в индоевропейском (крепкий, устойчивый, надежный) ассоциируется с опорой (ср. рус. дерево и нем. trauen – доверять) (Фасмер 1987; Цыганенко 1989). По-видимому, идея друга как соратника логически вытекает из уверенности в его надежности.

Понятийный компонент концепта «friend» в англоязычном сознании этимологически трактуется следующим образом. В основе имени концепта лежит идея любви, приязни – frijaz (гот.) – любимый, дорогой, свободный. Этот корень восходит к индоевропейскому *grīj- (дорогой, достойный – ср. рус. приятель). По мнению этимологов (ODEE 1996), развитие ассоциации «любимый – свободный» базируется на противопоставлении полноправных членов племени, связанных родственными узами с главой большой семьи, и рабов. Подобная ассоциация в латыни привела к сужению значения слова liberi – дети (изначально – свободные члены племени).